

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ И ЗАДАЧАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

И. Кон

Гениальные работы товарища Сталина по вопросам языкознания являются новым значительным вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма. И. В. Сталин развил и углубил марксистскую теорию о языке, базисе, надстройке, открыл закон качественных изменений, скачков и революций, протекающих без взрывов, обогатил диалектический и исторический материализм, уточнил и конкретизировал ряд важнейших теоретических положений, имеющих первостепенное значение для философии и исторической науки. Особенно большое значение для советских историков представляет указание товарища Сталина, что общественные явления, кроме определённых общих черт, имеют «свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»¹.

Это указание, развивающее положения о диалектическом единстве общего и особенного, о конкретности научного анализа и метода изучения явлений, ориентирует историков на глубокое изучение специфических особенностей каждого общественного явления на каждом этапе его развития, подчёркивает, что именно это более всего важно для науки. Вопрос о природе, задачах и функциях самой исторической науки необходимо рассматривать, руководствуясь этими указаниями.

Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» даёт ключ и для решения вопроса о природе науки как общественного явления и определения её места в развитии человеческого общества. Раньше наши философы и историки рассматривали науку как идеологическую надстройку над экономическим базисом. Работа И. В. Сталина потребовала пересмотра прежнего понимания места науки среди других общественных явлений. Развивая марксистское учение о базисе и надстройке, И. В. Сталин конкретизировал, уточнил понятие базиса и надстройки: «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»². И. В. Сталин показал, что к надстройке над данным базисом относится не вся духовная жизнь общества, а только те её элементы, которые непосредственно порождаются этим базисом, неразрывно связаны с интересами и судьбой этого базиса, активно помогают его оформлению и укреплению и существуют лишь до тех пор, пока существует этот базис.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30. Изд-во «Правда». 1950.

² Там же, стр. 3.

В каждом общественном строе наряду с господствующими производственными отношениями, составляющими его экономический базис, существуют обычно остатки старого экономического строя, старого базиса, отживающих форм собственности и соответствующих им взглядов и других явлений надстроечного порядка и зародыши новых производственных отношений, нового базиса и соответствующих им элементов новой надстройки.

Но это значит, что не всё содержание общественного сознания в данном конкретном обществе можно отнести к надстройке, порождённой господствующим в обществе экономическим строем. Кроме того общественное сознание людей отражает не только производственные отношения (базис), но и всю совокупность условий материальной жизни общества, частью которой являются производственные отношения. Следовательно, отражая всю многогранность общественного бытия, общественное сознание необходимо содержит в себе наряду с надстроечными элементами и ненадстроечные, то есть такие, которые развиваются на протяжении всей истории человеческого общества, служат исторически различным базисам и классам общества, не уничтожаясь со сменой экономических базисов. Другими словами, в общественном сознании есть элементы, сфера действия которых шире сферы действия надстройки.

К числу таких специфических общественных явлений, которые относятся к области идеологии, принадлежит наука. Наука, как форма общественного сознания, представляет собой совокупность накопленных человечеством объективных знаний о природе, обществе и мышлении, проверенных и доказанных практикой и служащих общественной практике. Уже из того, что наука является обобщением всего опыта, всех знаний, накопленных человечеством, понятно, что наука является продуктом всего многовекового развития человечества, а не одного какого-нибудь базиса и класса. Наука, как форма общественного сознания, не уничтожается со сменой экономических базисов. Это вытекает из самого характера науки, из её общественной функции, которая заключается в том, чтобы на основе обобщения всего разностороннего опыта людей открыть объективные законы развития природы и общества и наиболее целесообразно использовать их в интересах человечества. Процесс познания объективного мира осуществляется сотнями поколений людей, каждое из которых вносит в него что-то новое, постепенно приближая человечество к абсолютной истине, и ясно, что если бы этот процесс на каждом новом этапе развития общества начинался заново, если бы новый господствующий класс отбрасывал всё то, что было сделано до него, то в истории не было бы того поступательного процесса познания, прогресса, развития науки, который мы видим. Поэтому Маркс в подготовительных работах к «Капиталу» и определяет науку не как надстройку, порождённую каким-либо одним определённым базисом и неразрывно с ним связанную, а как «всеобщий духовный продукт общественного развития» или как продукт «общего исторического развития в его абстрактном итоге»³.

Разумеется, наука развивается и в каждую данную историческую эпоху принимает новый вид. Ф. Энгельс писал, что «теоретическое мышление каждой эпохи... это — исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание»⁴.

Но важнейшей чертой каждой науки, чертой, составляющей основную особенность науки, отличающей её от всякого другого отражения объективного мира, является то, что она должна правильно отражать законы объективного мира, давать объективную истину, чтобы помочь человеку в его практической жизни. Познание может быть полезным в

³ Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII), стр. 157, 161.

⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 24. Изд. Госполитиздат. 1948.

практике человека лишь в том случае, «если оно отражает объективную истину, независимую от человека»⁵.

Решительно выступая против абсолютизирования результатов человеческого познания, выдающего достигнутый уровень науки за её предел, марксизм-ленинизм не менее враждебен релятивизму, отрицающему существование объективной истины, возможность познания человеком объективного мира и неизбежно ведущему к фидеизму, к поповщине.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин особенно подчёркивал, что именно объективная истинность научной идеологии обуславливает её непримиримость ко всякого рода религиозным предрассудкам. «Исторически условна всякая идеология, — писал Ленин, — но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»⁶. Именно то, что наука дает объективную истину, правильно отражая объективный мир, существующий вне человеческого сознания и независимо от него, и является причиной того, что наука не уничтожается и не создаётся заново на каждом новом этапе развития общества, а развивается путём накопления знаний, относительных истин, достигнутых в разное время разными поколениями.

Наука представляет собой одну из форм общественного сознания, она развивается в тесной связи со всеми другими общественными явлениями. В классовом обществе наука неизбежно испытывает сильнейшее влияние со стороны господствующих общественных классов. Содержание любой науки носит на себе отпечаток мировоззрения, идей, интересов того класса, к которому принадлежит и интересы которого выражает данный учёный. Классики марксизма-ленинизма не раз подчёркивали, что при всём богатстве и многообразии духовной жизни общества, в каждую исторически данную эпоху все формы общественного сознания тесно связаны с господствующими в эту эпоху экономическими отношениями и классами и испытывают воздействие с их стороны. Как пишет Маркс, «определённой формой материального производства обуславливается, во-первых, определённое расчленение общества, во-вторых, определённое отношение человека к природе. Тем и другим определяется его государственный строй и его мирозерцание, а следовательно и характер его духовного производства»⁷.

Каждая наука наряду с эмпирическим фактическим материалом, почерпнутым из объективной действительности, наряду с законами, выведенными на основе этого материала и подтверждёнными практикой, содержит в себе и общие взгляды на природу, на общество, на вопрос об отношении мышления, сознания к бытию, то есть философские, мировоззренческие, которые в классовом обществе неизбежно выражают интересы того или иного общественного класса и носят надстроечный характер. Эти надстроечные моменты содержатся в каждой науке, каков бы ни был её объект, и они оказывают серьёзное влияние на самое содержание науки: они либо совпадают (хотя бы в основных чертах) с положительным содержанием науки — если это идеи материалистические, или содержат элементы диалектики, научной теории развития, идеи прогрессивного класса, и в таком случае помогают её дальнейшему развитию; либо, если это идеи идеалистические, метафизические, идеи реакционного класса, они противоречат объективным выводам самой науки, и в этом случае они тормозят её развитие, мешают ей отражать объективную истину и в конце концов превращают её в лженауку.

Таким образом, хотя наука, как форма общественного сознания, и не является надстройкой над одним каким-либо экономическим базисом

⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 127. 4-е изд.

⁶ Там же, стр. 123.

⁷ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Т. I, стр. 238. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.

и сфера её действия шире сферы действий любой надстройки, тем не менее она содержит в себе ряд надстроечных элементов, которых в ней тем больше, чем больше она затрагивает интересы классов и служит их непосредственным интересам.

Марксизм-ленинизм классифицирует науки по их предмету на науки о природе и науки об обществе. Наряду с известными общими чертами эти две группы наук обладают и существенной спецификой. В отличие от естественных наук общественные науки не связаны непосредственно с материальным производством, но зато они теснейшим образом связаны с базисом и общественными классами, ибо они изучают, «в их исторической преемственности и современном состоянии, условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой в виде философии, религии, искусства и т. д.»⁸. Поэтому, если положительные результаты естественных наук могут обслуживать производство разных базисов и разные классы общества, общественные науки в их конкретно-историческом виде непосредственно связаны с определённым экономическим базисом и с определёнными классами, являются орудием в классовой борьбе. Поэтому, как указывал Ленин, в обществе, основанном на классовой борьбе, не может быть внеклассовой социальной науки⁹. В буржуазном обществе существуют, например, буржуазная политическая экономия, социология, историография, юриспруденция, защищающие наёмное рабство, буржуазный строй, и пролетарская марксистская политическая экономия, марксистское материалистическое понимание истории, марксистская наука о государстве и праве, объявившие беспощадную борьбу наёмному рабству, капитализму. Но это не значит, что в классовом обществе не может быть объективной, т. е. подлинной науки, дающей достоверные, истинные знания. Такой наукой является марксистская наука.

Познание законов развития общества представляет собой фундамент для всех других общественных наук, так как ни одно общественное явление не может быть понято, если не рассматривать его в его историческом возникновении и развитии. В. И. Ленин неоднократно подчёркивал, что необходимо «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹⁰.

Принцип историзма является необходимым условием и предпосылкой каждой частной науки, независимо от того, изучает ли она природу или человеческое общество. Основоположники научного социализма писали по этому поводу в «Немецкой идеологии»: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории. Рассматривая историю с двух сторон, её можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; поскольку существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга. История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; исторней же людей нам придется заняться»¹¹.

Историческая наука представляет одну из основных отраслей человеческого знания. Как и всякая другая, историческая наука имеет свой предмет, свой объект, существующий вне и независимо от человеческого

⁸ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 83. Огиз. Госполитиздат. 1948.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 3.

¹⁰ В. И. Ленин. Т. 29, стр. 435.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 8.

сознания, который она подвергает изучению. Предметом исторической науки является история общества.

Развивая марксистское положение о природе исторического процесса, И. В. Сталин в своей работе «О диалектическом и историческом материализме» отмечает, что история развития общества складывается из множества различных элементов, но решающим при этом является способ производства, а потому «история развития общества есть, прежде всего, история развития производства, история способов производства, сменяющих друг друга на протяжении веков, история развития производительных сил и производственных отношений людей»¹².

Буржуазные философы и историки, стоящие на позициях субъективного идеализма и стремящиеся доказать, что капиталистический строй не содержит в себе непримиримых внутренних противоречий, пытаются утверждать, будто исторический процесс не является закономерным. Тем самым они отрицают объективность исторической науки, её способность давать людям достоверные знания. Риккерт, например, прямо утверждал, что «история и закономерность — понятия, взаимно исключаящие друг друга», он отрицал объективность исторических законов, а тем самым и историю как науку. Подобными высказываниями наполнены в настоящее время все буржуазные социологические журналы. Марксистский исторический материализм, напротив, показал объективную закономерность исторического процесса и достоверность данных исторической науки.

Развитие общества столь же закономерно, как и развитие природы. Именно поэтому возможна наука об обществе, возможно познание законов его развития. В этом отношении нет никакой принципиальной разницы между познанием природы и познанием общества. «Если мир познаваем и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин.

Значит, наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»¹³, — говорит товарищ Сталин.

Достоверность данных исторической науки является таким же обязательным признаком научности, отличающим науку от всевозможных вымыслов, как и достоверность данных всякой другой науки. Историческая наука, как и всякая другая наука, существует не для праздного времяпровождения: она имеет определённые общественные функции, и для выполнения этих функций она должна давать объективную истину, достоверные знания.

Изучение прошлого не является и не может быть самоцелью исторической науки, так как простое, механическое собирание фактов из прошлого человеческого общества мало кому интересно и ещё менее того полезно. На этом основании некоторые буржуазные учёные вообще отрицали практическое значение истории, доказывали, что она лишена практического значения и не может активно вмешиваться в жизнь. Однако подобное утверждение лишено всякого основания. Конечно, историческая наука не связана непосредственно с процессом материального производства и не обслуживает производство, как естествознание и технические науки, не оказывает такого непосредственного влияния на базис и надстройку, как политическая экономия, наука о государстве и праве. Но, тем не менее, историческая наука играет исключительно важную роль в посту-

¹² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 551—552, 11-е изд.

¹³ Там же, стр. 544.

пательном развитии человечества, и роль эта заключается в том, что она, будучи обобщением всего исторического развития человечества, является единственным надёжным фундаментом, на основе которого возможно открыть общие законы развития общества, познание которых так важно для всего человечества. Действительно, каким путём могут быть открыты законы развития общества, кроме как путём скрупулёзного изучения его истории?

Историческая наука даёт научный анализ конкретных форм исторического процесса во всём их богатстве и многообразии, и открыть общие законы развития общества иначе как на основе этого анализа невозможно. Исследование частных, особых законов даёт возможность человечеству познать и наиболее общие законы развития, и обратно: познание общих законов помогает изучению особых, частных законов. Следовательно, важнейшая общественная функция исторической науки, её связь с практической жизнью заключается в том, чтобы дать научное, объективно верное изображение всего хода исторического развития; чтобы на основе этого изображения открыть законы существования и развития конкретных социально-экономических формаций и тем самым создать единственно надёжный фундамент для выведения общих законов развития общества, которые помогают рабочему классу и трудящимся понять своё прошлое, настоящее и сознательно, активно строить своё будущее. Именно в этом и заключается основная задача марксистской исторической науки. Но выполнение таких задач стало возможным лишь на основе многовекового развития исторической науки, как и других общественных наук. Старая, домарксовская историография хотя и содержала в себе значительное количество фактических данных, но она ещё не была наукой, способной не только описывать материал, но и открывать законы развития общества и делать из них практические выводы в интересах преобразования общества. В этом отношении развитие исторической науки шло по тому же пути, что и развитие других отраслей знания.

Общеизвестно, что всё понимание исторического процесса, существовавшее до Маркса, было идеалистическим. Оно игнорировало реальную материальную основу исторического процесса и видело в истории человечества хаос случайностей, объясняя все исторические события борьбой тех или иных идей, действиями тех или иных выдающихся исторических деятелей.

Исследование истории человеческого общества представляет особые трудности по сравнению с изучением природы. Хотя природа и претерпевает в своём развитии существенные изменения, эти изменения происходят сравнительно медленно. Ввиду этого в природе можно чаще наблюдать повторение явлений почти при одних и тех же условиях. «Напротив, в истории обществ, как только мы выходим за пределы первобытного состояния человечества, так называемого каменного века, повторение явлений составляет исключение, а не правило; и если где и происходят такие повторения, то это никогда не бывает при совершенно одинаковых обстоятельствах»¹⁴.

Несмотря на это, и в истории общества действуют общие законы истории, обнаруживается известная повторяемость, причинная обусловленность, внутренняя необходимая связь, закономерность явлений. Наряду с общими законами, действующими как на протяжении всей истории человечества, так и на протяжении ряда эпох, каждый исторический период развития общества, каждая общественно-экономическая формация имеют свои особые законы.

Как и всякая наука, история начинала с метафизических, абстрактных построений, совершенно не связанных с накопленным фактическим

¹⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 84.

материалом. Но применение к истории априорных, антиисторических схем делало всё построение домарксовской историографии искусственным, ненаучным, ибо при таком подходе к истории отождествлялись по внешнему сходству качественно различные исторические явления, свойственные различным эпохам; поэтому историки и «не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала»¹⁵.

Осуждая и высмеивая метафизику буржуазных общественных теорий, состоящих из априорных, догматических, абстрактных построений, Ленин подчёркивал в полемике с Михайловским, что только историзм является подлинным методом всякой науки. Ведь начинать с общих вопросов о том, что такое общество, что такое прогресс и т. п., указывал Ленин, значит начинать с конца. «Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений?»¹⁶.

Попытки изображения общего хода исторического процесса до Маркса были абстрактны и совершенно ненаучны. «Поэтому-то,— указывает Ленин,— все эти философско-исторические теории и возникали, и лопались как мыльные пузыри, являясь в лучшем случае симптомом общественных идей и отношений своего времени и не подвигая ни на волос вперед п о н и м а н и я человеком хотя бы каких-нибудь единичных, но зато действительных (а не тех, которые «соответствуют человеческой природе») общественных отношений»¹⁷.

«Марксисты считают,— пишет Мао Цзе-дун в статье «Относительно практики»,— что производственная деятельность в человеческом обществе шаг за шагом развивается от низших ступеней к высшим, поэтому познания людей как в отношении естественного мира, так и в отношении общества, в свою очередь шаг за шагом развиваются от низших ступеней к высшим, т. е. от простого к сложному, от одностороннего к многостороннему. В течение весьма длительного исторического периода люди могли лишь односторонне понимать историю общества: это, с одной стороны, происходило из-за эгоистических взглядов эксплуататорских классов, постоянно извращавших историю общества, а с другой — из-за узости производственных масштабов, ограничивавших кругозор людей. Всестороннее историческое понимание людьми развития истории общества и превращение познаний об обществе в науку (что возможно лишь при высоком уровне развития производительных сил, когда вместе с крупной промышленностью появляется современный пролетариат) и есть марксистская наука»¹⁸.

Поэтому и господствовало идеалистическое понимание истории, которое игнорировало реальную основу истории, видя в ней «только выдающиеся государственно-политические выступления и религиозную, вообще теоретическую, борьбу» и каждый раз при изображении той или другой исторической эпохи вынуждено было «разделять иллюзии этой эпохи»¹⁹.

Только с развитием капитализма, упростившего и обнажившего все социальные противоречия, и с выходом на историческую арену революционного пролетариата, призванного разрешить эти противоречия, были созданы объективные условия для открытия материалистического понимания истории, которое и совершили Маркс и Энгельс.

¹⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 122.

¹⁶ Там же, стр. 126.

¹⁷ Там же, стр. 127.

¹⁸ Журнал «Большевик» № 23 за 1950 г., стр. 10.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 29.

Маркс «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»²¹.

В своей работе «Карл Маркс» Ленин подробно охарактеризовал переворот, произведённый марксизмом в общественно-исторических науках: «Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений, устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий масс населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественно-исторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий. Домарксовская «социология» и историография в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса. Марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая совокупность всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных классов общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая корни без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил». Поэтому, пишет Ленин, Маркс впервые «указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»²².

Понятно, какое огромное значение имело открытие материалистического понимания истории для развития исторической науки. Только марксистский исторический подход «избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в грудю нелепейших ошибок», и только на его основе «изучение истории общества превращается в науку»²³.

Но, помимо объективного момента, затруднявшего превращение исторических знаний в науку, значительную роль играл в этом и субъективный момент. Ленин указывал, что идеализм, кроме своих гносеологических корней, имеет и определённые социальные корни. Такими социальными корнями являются интересы эксплуататорских классов. Классовые интересы вообще играют чрезвычайно важную роль в истории общества. Не случайно Энгельс в полемике с Прудоном отмечал, что «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы»²⁴. Являясь первичной формой классовой идеологии, классовые интересы оказывают существенное влияние на всю духовную жизнь общества и на его политические учреждения. Влияют они и на историческую науку.

В своей работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин писал, что даже четыре правила арифметики, при всей своей достоверности, оспаривались бы, если бы только они затрагивали интересы какого-либо класса. Тем более важную роль играют классовые интересы в исторической науке. Историческая наука непосредственно отражает процесс классовой борьбы во всех её проявлениях. Поэтому борющиеся классы осо-

²¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 124—125.

²² В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 40, 41.

²³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 540, 544.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 68.

бенно заинтересованы в её использовании и оказывают на неё сильнейшее воздействие. Что бы ни кричали идеологи буржуазии о своей «беспартийности» и «беспристрастности», историческая наука теснейшим образом связана с политикой, и освещение этими идеологами любого исторического факта всегда отвечает буржуазным интересам и выражает политическую линию буржуазии. Стремясь использовать исторический материал в целях установления или укрепления своего классового господства, эксплуататорские общественные классы постоянно привносят в историю свои классовые идеи и представления, и поэтому в исторической науке гораздо больше надстроечных элементов, чем, скажем, в любой отрасли естествознания, не говоря уже о математических или технических науках. Это «подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торговца, либо мещанско-социалистических идеалов русского демократа»²⁵ имеет настолько значительное распространение и оказывает до такой степени существенное влияние на самое содержание исторических трудов, что самая историография в различных формациях выполняет функции надстройки, выражая и защищая интересы определённого господствующего класса и выгодные этому классу экономические отношения.

Но влияние на историографию эксплуататорских классов приводит, и не может не приводить, к извращению объективной истины в своекорыстных интересах той или иной группы эксплуататоров. Это влияние, следовательно, закрепляет ненаучное, идеалистическое понимание истории, так как оно открывает дорогу всякого рода извращениям в исторической науке, немыслимым при материалистическом подходе к познанию истории. Объективная истина в исторической, как и во всякой другой науке, бывает только одна. Но эксплуататорские классы вовсе не заинтересованы в отыскании объективной истины, в объяснении общественных явлений, так как эта объективная истина, раскрывающая действительную связь вещей, неминуемо осуждает реакционные классы. «Раз понята связь вещей, — рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится раньше того, чем они развалятся на практике. Следовательно, тут уже безусловный интерес господствующих классов требует увековечения бессмысленной путаницы»²⁶. Отсюда закрепление эксплуататорскими классами идеалистического понимания истории, отсюда сознательная фальсификация исторических фактов и событий.

В центре внимания античных историков находилась политическая жизнь рабовладельческого класса, и они, за немногими исключениями, оставляли вне поля зрения условия жизни рабов, и если говорили о рабах, то всячески старались принизить их и оправдать рабовладельческую политику. Средневековые хроники дают яркие описания жизни феодальной верхушки, блестящих рыцарских турниров, феодальных войн, но с каким трудом приходится извлекать из них материал по истории крепостного крестьянства, его классовой борьбы и насколько тенденциозно преподносится этот материал! Основной темой всей буржуазной историографии начиная с историков Франции периода Реставрации (и даже раньше) является проблема развития и возвышения класса буржуазии, и в каких идиллических тонах рисуется этот процесс, какими благородными рыцарями выглядят там низкие и кровожадные торговцы, герои так называемого первоначального накопления! Известно, как беззастенчиво фальсифицированы буржуазными историками факты колониальной политики и события национально-освободительного движения колониальных народов.

До тех пор, пока данный эксплуататорский класс находится ещё на подъёме и ведёт борьбу за установление своего господства против другого,

²⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 127.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, стр. 212—213. Соцэкгиз. 1931.

реакционного класса, он ещё способен более или менее объективно освещать и оценивать исторические события, ибо ход истории в этот период ещё на его стороне. В этот период он выполняет ещё полезную работу по уничтожению старой надстройки, а следовательно, и тех субъективных идей, которые внесены были в историографию предшествующим ему эксплуататорским классом. Так, например, буржуазия сыграла значительную роль в развитии исторического знания тем, что она разоблачила религиозные мифы о божественном происхождении государства, что она в борьбе с феодальным теологическим мировоззрением начала исследование истории религии, чем нанесла христианству тяжёлый удар; она сумела показать неприглядную изнанку внешнего блеска абсолютизма и феодального общества в целом; идеологи буржуазии, выступавшие против дворянства, сумели открыть в истории факт классовой борьбы, хотя они и распространяли её только на прошлое и не поняли её действительного значения. И хотя вместо отвергнутых феодальных фикций буржуазная историография поставила фикции буржуазные, подобно тому как место феодальной эксплуатации заняла эксплуатация капиталистическая, всё-таки на первом этапе своего существования буржуазная историография сделала прогрессивное дело, подрывая основы феодально-теологических, богословских теорий и взглядов на общественную жизнь.

Но положение коренным образом меняется, когда данный эксплуататорский класс прочно становится у власти. В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс указывал, что закрепление буржуазии у власти означало «смертный час для научной буржуазной экономики. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наёмных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой»²⁷.

Сказанное Марксом целиком и полностью относится и к буржуазной историографии. Фальсификация исторического прошлого становится основной задачей буржуазных историков, продающих свои знания и свой труд денежному мешку.

Энгельс указывал, что фальсификация исторических событий и фактов имманентно присуща буржуазной историографии как таковой. «Буржуазия, — говорил он, — все превращает в товар, а следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»²⁸.

В результате этого уже в XIX в. буржуазная историография извратила, фальсифицировала все важнейшие исторические факты и события. Не случайно Дизраэли, которого уж никак нельзя упрекнуть в неприязни к капиталистическому миру, писал об английской истории: «Если история Англии будет написана когда-либо человеком, который имеет знания и смелость, а эти оба качества одинаково необходимы для выполнения такой задачи, то мир будет больше удивлён, чем от чтения летописей Нибура. Вообще говоря, все великие события в английской истории искажены; большинство важных причин не раскрыто; некоторые виднейшие деятели никогда не упоминались, а все те, которые упомянуты, так плохо поняты и так неправильно изображены, что в результате получается не история, а полная мистификация»²⁹.

²⁷ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 13. Госполитиздат. 1949.

²⁸ Архив Маркса и Энгельса. Т. X, стр. 104.

²⁹ Цит. по книге Палм Датта. Индия сегодня, стр. 82. М. 1948.

Особенно чудовищные размеры приобрела буржуазная фальсификация истории теперь, в период общего кризиса капитализма, когда все силы реакции поставлены на службу монополистическому капиталу. Современная буржуазная историография не имеет ничего общего с подлинной исторической наукой. Для дипломированных лакеев капитала не существует ни объективной истины, ни уважения к историческим фактам, ни элементарной научной добросовестности. Основываясь на методологии субъективного идеализма, буржуазные историки в своих «трудах» послушно выполняют заказ американского империализма, фальсифицируя историю в угодном ему духе. При помощи «семантики» (разновидность махистской философии) американец Грас ухищряется, например, «доказать», что никаких докапиталистических формаций не было, что капитализм существует извечно и самый коммунизм есть тоже... «капитализм, только с общественной собственностью на средства производства».

В американской печати мы находим политическое обоснование подобной фальсификации истории. «Радостно видеть, — пишет, например, редактор журнала «Bulletin of Business Historical Society» Г. Ларсон, — как на наших глазах сужается водораздел, отделявший ученых от бизнесменов, и как между ними развивается тесное сотрудничество». В одной из статей этого журнала были с поразительным цинизмом сформулированы задачи этой фальсификаторской работы: «В борьбе, которая ныне ведётся в форме холодной войны и грозит принять более острый характер, имеется ещё одна возможность, и ею мы не должны пренебрегать, мы можем превратить капитализм в религию»³⁰.

Советская историческая наука, основанная на марксистской научной методологии, не может не отличаться самым коренным образом от старой, буржуазной историографии. Советская историческая наука является подлинной наукой, способной давать адекватное отражение исторического прошлого, и это определяет её непримиримость ко всякого рода искажениям фактов истории, неизбежным в работах даже лучших буржуазных историков.

Советская историческая наука не только иначе, чем буржуазная историография, решает и объясняет все важнейшие исторические факты — самое представление о предмете исторической науки у историков-марксистов принципиально иное, чем у буржуазных историков.

Марксистское понимание истории исходит из того, что развитие общества определяется развитием условий материальной жизни общества, развитием способов производства; поэтому «первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов производства, законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества». «История общественного развития есть вместе с тем история самих производителей материальных благ, история трудящихся масс, являющихся основными силами производственного процесса и осуществляющих производство материальных благ, необходимых для существования общества». Поэтому советская историческая наука призвана изучать прежде всего историю трудящихся масс, историю народов. «Историческая наука, — говорит товарищ Сталин, — если она хочет быть действительной наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»³¹.

Такое понимание предмета исторической науки принципиально от-
лично от понимания истории и предмета исторической науки историка-

³⁰ Цит. по ст. Е. Черняк. История американского бизнеса. «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. VII, № 3, стр. 275.

³¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 552.

ми эксплуататорских классов, в поле зрения которых были, как правило, лишь политические действия господствующей верхушки общества. Отсюда неизбежность коренных расхождений между советской исторической наукой и буржуазной историографией и во всех частных вопросах.

Разумеется, сказанное не означает, что советские историки механически, огульно отбрасывают всё то, что было известно историографии прошлого, и начинают строить историю на пустом месте. Такой подход к науке прошлого при всех её недостатках ничего общего с марксизмом не имеет, и пропагандировался он, кстати сказать, в своё время антинаучной «школой» Покровского. В действительности никакая наука, в том числе и историческая, не строится на голом месте.

Называя буржуазных профессоров истории, политэкономии и т. д. учёными приказчиками класса капиталистов и призывая вести с ними решительную борьбу, В. И. Ленин подчёркивал в то же время, что задача марксистов и в этой области — «суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией ей враждебных нам сил и классов»³².

Что, в частности, берёт от старой историографии советская историческая наука? Во-первых, научно установленные объективные исторические факты. Историческая наука носит конкретный характер, и она содержит в себе большое количество фактического материала. Факты являются необходимым составным элементом всякой науки, без фактов невозможна наука.

Разумеется, нужно уметь критически использовать и по-новому, научно объяснить факты, приводимые в трудах буржуазных историков. Товарищ Сталин, глубоко разоблачив всю несостоятельность идеалистической теории Н. Я. Марра, отметил в то же время, что у Марра наряду с серьёзными теоретическими ошибками есть и весьма ценные работы, посвящённые конкретным вопросам языкознания, и эти работы могут и должны быть использованы советскими лингвистами. То же самое мы видим и в исторической науке. Скажем, каждому грамотному человеку известно, что общие исторические взгляды Кареева, Лучицкого, М. Ковалевского являются идеалистическими, ненаучными и ведут к реакционным политическим выводам. Но, тем не менее, эти авторы написали ряд трудов по аграрной истории французской революции, мимо которых не может пройти ни один историк, изучающий этот период.

Метод марксизма коренным образом отличается от метода буржуазных учёных. Но, кроме методологии, каждая наука имеет и свои специфические приёмы, облегчающие подбор материала, его систематизацию и т. д. Некоторые из таких приёмов, хотя и в различной степени, могут служить как буржуазной, так и советской исторической науке (сравнительно-исторический метод в археологии, методика работы над архивным документом и т. д.), и нет никаких оснований от них отказываться.

Однако необходимо подчеркнуть, что это использование достижений науки прошлого распространяется лишь на небольшой круг вопросов, да и тут требуется серьёзный критический пересмотр результатов старой науки на основе марксистского метода. Нет ни одного исторического факта, ни одного частного вывода, ни одного исследовательского приёма, который мог бы быть заимствован советской исторической наукой из буржуазной без тщательнейшей критической проверки. Следует помнить, что буржуазная фальсификация истории распространяется не только на область выводов, но и на самые факты. Взять хотя бы такой вопрос,

³² В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 328.

как отношение американского империализма к Советской России в первые годы существования советского государства. Ведь американские историки не просто утверждают, что США не участвовали в антисоветской интервенции, они подкрепляют это заведомо лживое утверждение фальсифицированным фактическим материалом, и, следовательно, только научный анализ подлинных фактов может опровергнуть эту фальсификацию. Поэтому советские историки, не отказываясь от использования материала, накопленного буржуазной историографией, должны в то же время относиться к нему сугубо критически, в противном случае они рискуют воспринять отсюда не только фальсифицированные факты, но и фальсификаторские концепции, как это случилось, например, с Ланом, Зубоком и другими, чьи труды уже подвергались критике в нашей печати.

Важнейшей чертой марксистской исторической науки, принципиально отличающей её от буржуазной историографии, является её объективность, включающая в себя и партийность в оценке событий.

Критерий объективной истины так же обязателен для исторической науки, как и для всякой другой. Товарищ Сталин неоднократно подчёркивал, что историю нельзя ни «улучшать», ни «ухудшать». При этом именно марксистская историческая наука, и только она одна, может отражать действительные закономерности развития общества, не извращая их и не фальсифицируя. Классовые интересы буржуазии мешают правильному познанию истории общества, и потому буржуазная историография заражена субъективизмом.

Буржуазные историки рассматривают исторический процесс с точки зрения буржуазных идей, прилагают к истории абстрактный критерий «справедливости», «разумности» и т. п., под которым в действительности скрываются своекорыстные интересы эксплуататорского класса. Партийность буржуазных учёных, защита ими буржуазного строя приводит их, таким образом, к конфликту с объективной истиной познания, приводит к сознательной и бессознательной фальсификации исторических фактов. Только историческая наука, вооружённая марксистской теорией, свободна от всякого субъективизма и произвола в выборе и оценке фактов и рассматривает каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории «не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, как это делают нередко историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которыми они связаны»³³.

Говоря о партийности исторической науки, нельзя обойти молчанием те извращения, которые вносила в понимание партийности науки так называемая школа Покровского. М. Н. Покровский, как и Н. Я. Марр, нигилистически, пренебрежительно относился к научному наследию прошлого, отрицал необходимость его изучения, кичливо третировал своих предшественников. Покровский, как и Марр, обильно употребляя марксистскую фразеологию, злоупотребляя «левыми» фразами о классовости науки, о партийности исторической науки, был на деле лишь вулгаризатором марксизма. Как тот, так и другой пренебрежительно относились к исследованию фактического материала, составляющего фундамент всякой науки, и подменяли конкретное исследование немарксистскими, абстрактными, надуманными схемами. Наконец, результатом деятельности как Марра, так и Покровского была фактическая ликвидация в одном случае языковедческой, в другом — исторической науки. Только благодаря личному вмешательству товарища Сталина оба эти извращения были разоблачены и разгромлены. Поэтому критика товарищем Сталиным учения Марра должна, между прочим, заставить советских историков снова вспомнить указания партии относительно «школы» Покровского, тем более что некоторые рецидивы её ещё имеются в работах отдельных наших учёных.

³³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 539.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» говорится, что основным пороком «школы» Покровского является то, что она «толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю».

Историческая концепция М. Н. Покровского субъективно-идеалистически, махистски отрицала объективность законов развития общества. Отсюда проистекало непонимание М. Н. Покровским объективной значимости исторической науки и её выводов. Извратив ленинские мысли об объективности истины и смешивая в одну кучу научную объективность с буржуазным объективизмом, М. Н. Покровский утверждал, что историческая наука не знает объективной истины, что партийность исторической науки исключает её объективность, что объективная историческая наука — выдумка буржуазии. «Буржуазная демократия в своей системе одурачивания масс выработала эту формулу «объективной истории», каковая формула, к сожалению, до сих пор ещё затуманивает взоры наших товарищей»³⁴, — писал М. Н. Покровский. Подобные взгляды являются насквозь идеалистическими, махистскими. Из того, что буржуазная историография неспособна отражать объективную истину во всей её полноте и неизбежно фальсифицирует историю, отнюдь не следует, что объективная историческая наука вообще не существует и не может существовать, что познание общественной жизни невозможно. Между тем Покровский, прикрываясь «левой» фразой о борьбе с буржуазной идеологией, пропагандировал именно такой взгляд.

Не понимая существа исторического материализма, М. Н. Покровский неправильно осветил и вопрос о связи исторической науки с политикой. «История — это политика, опрокинутая в прошлое». Это утверждение М. Н. Покровского несовместимо с признанием диалектического и исторического материализма, оно являлось оправданием субъективизма и произвола в исторической науке и принесло советской исторической науке не меньший вред, чем языкознанию утверждение Марра о классовости языка.

Из правильного положения, что марксистская историческая наука должна быть связана с жизнью, с практическими задачами рабочего класса, М. Н. Покровский делал совершенно неверный вывод о том, что историю прошлого надо рассматривать с точки зрения условий сегодняшнего дня, а не с точки зрения условий, которые порождали исторические события прошлого. Эти установки «школы» Покровского нанесли огромный вред советской исторической науке, и только помощь ЦК ВКП(б) и лично товарища Сталина помогла историкам разоблачить и преодолеть эти «анти-марксистские, анти-ленинские, по сути дела, ликвидаторские, анти-научные взгляды на историческую науку»³⁵.

Чем отличается объективность марксистской исторической науки от буржуазного объективизма? На этот вопрос ясно ответил Ленин: «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов.

³⁴ М. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Т. II, стр. 394.

³⁵ «Правда» от 27 января 1936 года.

Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, к а к о й и м е н н о к л а с с определяет эту необходимость... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»³⁶.

Следовательно, первое отличие марксистской исторической науки от буржуазного объективизма заключается в том, что марксизм объективнее и глубже освещает действительный ход событий, не сбивается на апологетику прошлого, а вскрывает его антагонистические противоречия, рассматривает его в развитии. При анализе исторических явлений прошлого, как и при оценке современных событий, марксисты особое внимание обращают на то новое, что зарождается в данной стране в тот или иной период её истории, они вскрывают, что развивается, что несёт в себе ростки будущего и что отмирает. Но возможен ли такой анализ при подходе ко всем явлениям прошлого с меркой современности? Конечно, нет. Анализируя каждый исторический факт, историк, разумеется, не должен забывать об исторической перспективе, он не может смотреть на то или иное событие прошлого глазами современников этого события, он обязан объяснить и оценить их с вершин современной науки, но он не имеет права рассматривать факты оторванно от той исторической обстановки, в которой они существуют. «Рабовладельческий строй для современных условий есть бессмыслица, противоестественная глупость. Рабовладельческий строй в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя есть вполне понятное и закономерное явление, так как он означает шаг вперед в сравнении с первобытно-общинным строем»³⁷.

Таким образом, точное, научное, объективное изображение исторического прошлого — вот первое требование марксистской исторической науки. Отвечая этому требованию при изображении событий той или иной эпохи, историк-марксист тем самым открыто определяет и своё понимание и свою оценку фактов изучаемого периода, значит, и своё отношение к ним — с точки зрения научного мировоззрения рабочего класса.

Мы изучаем историю не ради прошлого, а ради настоящего и будущего, поэтому мы не можем превратиться в архивариусов различных фактов. Марксистская наука отличается тем, что она не только объясняет мир, но и указывает пути к его преобразованию. Сила марксизма, как указывал Ленин, заключается в том, что он соединяет строгую и высшую научность с революционностью, что целью марксистской науки является содействие классу угнетённых в его борьбе. «Прямая задача науки, по Марксу, это — дать истинный лозунг борьбы, т. е. суметь объективно представить эту борьбу, как продукт определенной системы производственных отношений, суметь понять необходимость этой борьбы, ее содержание, ход и условия развития»³⁸.

Перед марксистской исторической наукой стоит вполне определённая общественная задача — служить рабочему классу и трудящимся в их борьбе за освобождение от гнёта и эксплуатации, в их борьбе за построение коммунистического общества. Она должна активно участвовать в общей борьбе за коммунизм. Но каким образом может она выполнить эту свою функцию?

Ещё со времён Покровского у некоторых наших историков укоренилось представление, будто актуальность исторического исследования определяется его хронологией: чем ближе к современной жизни тема, тем

³⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 380—381.

³⁷ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 539—540.

³⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 309.

она актуальнее, и наоборот. Однако подобное заключение глубоко ошибочно. Разумеется, уход историков в изучение далёкого прошлого в ущерб разработке новейшей истории нетерпим. Разработка вопросов современности, непосредственно связанных с борьбой сегодняшнего дня, обобщающих опыт социалистического строительства или показывающих разложение и упадок капиталистического строя и дающих на этой основе существенные выводы для борьбы пролетариата капиталистических стран, — первоочередная и почётная обязанность работников исторического фронта. Необходимость глубокого изучения вопросов новейшей истории ощущается на каждом шагу. Указывая, что конечной целью марксистской науки является вооружение рабочего класса лозунгом борьбы, Ленин писал: «Лозунг борьбы» нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения»³⁹.

Но изучение современной исторической эпохи отнюдь не означает сужение размаха научного исследования других, отдалённых от нас эпох. История древнего мира, средних веков так же нужна советскому народу, как и новейшая история. Советская историческая наука должна дать глубоко научную, основанную на проверенных фактах картину всего исторического развития человечества, во всём его своеобразии. Выводы её должны обогатить теорию исторического материализма, без которой невозможно развитие советского общества. Следовательно, актуальность тематики исторического исследования определяется не его хронологическими рамками, а его научной значимостью, тем, насколько большие и важные теоретические проблемы оно поднимает, насколько оно содействует обогащению марксистско-ленинской науки об обществе.

Научная и практическая значимость исторического исследования прошлого заключается именно в этом, а не во внешних аналогиях его с современностью, которые, кстати сказать, частенько ведут к модернизации и извращению исторических фактов и событий.

Советский историк не имеет права забывать, что он не кабинетный учёный старого типа, а борец за коммунизм, что его работа в условиях советского общества становится достоянием не только узкого круга специалистов, но и всего советского народа. Советскому народу жизненно необходимы глубокие, фундаментальные исследования во всех разделах истории, начиная с археологии и древней истории и кончая новейшей историей и советским периодом истории СССР. К сожалению, таких исследований появляется у нас не так-то много, да и теоретический уровень многих книг и статей по истории оставляет желать лучшего.

Марксистской исторической науке приходится вести неустанную борьбу с фальсификацией истории буржуазией. Эта борьба, ставящая советских историков непосредственно на линию огня, проводится (и не может не проводиться) во всех областях исторического знания. Борьба с буржуазными извращениями в исторической науке — дело исключительно ответственное и серьёзное. Оно требует безукоризненного владения марксистской теорией и углублённой исследовательской работы в специальных областях истории.

Советская историческая наука развивается под постоянным и внимательным руководством советского государства, большевистской партии и лично товарища Сталина. Советские историки имеют все возможности для создания глубоко идейных, теоретически полноценных научных трудов. В условиях морально-политического единства советского народа

³⁹ Там же.

стирается разница между партийными и беспартийными учёными: все советские учёные в равной мере трудятся под руководством партии Ленина — Сталина на благо нашего народа. Понятие «партийности» науки в наши дни совпадает с более широким понятием большевистской идейности, пронизывающей всю советскую идеологию. Движущей силой развития советской исторической науки, как и всего нашего общества, является животворный советский патриотизм, побуждающий учёных-историков к новым научным открытиям.

Работы товарища Сталина по вопросам языкознания поставили перед историками ряд новых научных проблем, вооружили их новыми теоретическими знаниями, заострили борьбу против ползучего эмпиризма, против фактографии, лишённой обобщений и новых теоретических выводов: борьбу против буржуазного объективизма, против схематизма и модернизации, упрощающих исторический процесс, выхолащивающих его своеобразие, пренебрегающих принципом конкретности истины и укладывающих живую историю человеческого общества в прокрустово ложе абстрактных, натянутых схем.

Всё это ко многому обязывает советских историков. Выполнить эти серьёзные задачи советские историки смогут лишь при том условии, если постоянно будут помнить указания товарища Сталина о том, что «никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»⁴⁰. Слабость критики и самокритики в научных учреждениях и робость в развёртывании научных дискуссий объясняют те недостатки, которые ещё имеются в области научной работы, в том числе и в исторической науке. Следовательно, первоочередной задачей историков является всемерное развёртывание критики и самокритики, смелая постановка актуальных теоретических проблем, организация творческих дискуссий по важнейшим вопросам исторической науки. Советские историки имеют все условия для плодотворной работы. Труды товарища Сталина зовут их к новым успехам.

⁴⁰ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.